

Да, Вася, что то
меняется. То ли в
Индии, то ли в нас...
Я вот тоже подумываю
ресторан в Ашвене
открыть...
Материальный мир
заглатывает,
не оставляя места
чудесам

Под
сундром

MARI TEE

ГЛАВА 39. Часть первая. В тюрьме.

– Доброе утро, Мапса! – потягиваясь на солнце, протяжно, во весь голос кричит по-русски Виктор.

– Добраутра! – кричат ему на ломаном русском с разных сторон тюрьмы заключённые и охранники.

– Опять ты? – смеясь, протягивает мне руку Виктор.

– Опять я, – улыбаюсь ему в ответ я и радуюсь, что снова могу с кем-то поговорить.

– Ну что, мой тюремный друг, пойдём, опять мозг друг другу потрахаем.

– Я не против. Только, давай договоримся: оргазм вместе получать. А то если я тебе в мозг не кончу, всю ночь спать не буду.

– Всё, договорились, – говорю я Виктору, пожимая ему руку.

– Куда пойдём сегодня, из Арамболя в Ашвем, или из Ашвема в Арамболь?

– Пойдём, Вась, сегодня до Морджима. Лужа возле канализационного стока будет нам морем, твоя камера – Арамболом, а моя – Морджимом. Кстати, поздравь меня, Вася, – у меня сегодня ровно восемь месяцев тюрьмы. Fucking washing powder Nirma¹. Вся тюрьма уже смеётся, когда видит по телевизору рекламу этого стирального порошка. За стиральный порошок восемь месяцев ещё никто здесь не сидел.

– И это, Вить, ещё не конец. Сколько тебе здесь сидеть, одному только Создателю известно. Ты, Вить, в историю Гоа войдёшь, как человек, отсидевший год за стиральный порошок.

– Даже полицейские мой «кокаин» стиральным порошком называют. Порой мне кажется, Вась, что я спятил уже.

– Мне тоже, Вить, так порой кажется. Вон, посмотри, – по кругу ходят два идиота. Мне кажется, они даже не понимают, что в тюрьме находятся. Мы скоро тоже, наверное, так ходить будем.

¹Fucking washing powder Nirma (Чёртов стиральный порошок «Нирма») – Во время ареста Виктора, полиция положила найденный у него зубной анестетик в пакет из-под стирального порошка.

На мгновение мы останавливаемся, и рассматриваем двух душевнобольных индусов, ходящих так же, как и мы, по кругу, только заботливо держащих друг друга за руки, словно муж и жена.

– Вот почему, Вить, их сюда посадили, почему не в психушку? Неужели, судья не видит, что это – душевнобольные люди?

– А чем, Вась, мы от них отличаемся? Тем, что за ручку друг с другом не держимся? Мы же такие же ненормальные, как и они. Всё хотели мы с тобой людей чему-нибудь научить, а сами свой мозг давно где-то на пати потеряли. Нормальных людей в тюрьму не сажают.

– А ты знаешь, Вить, за что сюда попало вон то creature², которое всегда улыбается?

– Нет, не знаю. Спёр, наверное, мороженое или шоколадку. Что он ещё, Вась, с таким лицом может сделать?

– Он взял, Вить, камень и начал стену христианского храма долбить. Что-то разломал в храме, вот его и посадили за это. Многие люди на религиозной почве рассудка лишаются. Знаешь, что вчера мне Десай сказал? Он три года здесь уже сидит. Говорит, что до меня в моей камере тоже один русский сидел, Жора его звали. Я вчера вечером после его рассказа долго уснуть не мог, всё про карму думал.

– А при чём тут, Вась, карма? – удивлённо спрашивает Виктор, обгоняя двух идиотов, идущих по кругу впереди нас.

– А при том, что знал я этого Жору. Флипанул он несколько лет назад. Был нормальным, а переел ЛСД, и спятил. Залез на арамбольскую гору и разломал христианский крест, который на вершине католики когда-то установили.

– Помню, Вась, такого. Его ещё тогда индусы покалечили хорошо.

– Не то слово, Вить, «покалечили». Чуть до смерти камнями не закидали. Он сначала в госпитале три месяца лежал, потом здесь, в тюрьме, несколько месяцев сидел.

– А при чём тут, Вась, карма? – спрашивает Виктор, даже не почувствовав, что наступил босой ногой в кошачье дерьмо.

– А при том, Вить, что в ту ночь, когда он спятил, я ЛСД ему продавал. Он мне деньги ещё хотел на следующий день отдать, но так и не отдал. Про то, что с ним произошло в ту ночь, я из

²Существо (англ.).

газет узнал. Тогда многие газеты пестрили заголовками: «Сумасшедший русский разломал крест в Арамболе, надругавшись над католической церковью». А ведь тогда вечером Жора вроде бы нормальный был. Немного заговаривался, правда, но ведь он в трипе кислотном был.

– И что? Ты переживаешь, Вась, по этому? Не ты, так кто-нибудь другой продал бы ему кислоту.

– Так-то оно так, только когда-то, пять лет назад, я первый предложил ему психоделику попробовать. Расширил он себе сознание по стандартному сценарию: сначала бросил работу, потом жену, потом в Гоа жить приехал. Я ведь и предположить тогда не мог, что ему так сознание сильно поведёт. А может, я тоже спятивший, просто понять этого никак не могу?

– Конечно же, спятивший! Если бы ты себя со стороны послушал, то давно бы это понял. Я-то, хоть, Вась, за деньги сюда попал, а ты – спятивший психоделический революционер, который хотел, чтобы все вокруг тоже спятили.

– Возможно, ты и прав, – вздыхаю я, вспоминая лицо Жоры. – Мне Десай рассказывал про этого Жору. Говорил, что совсем сумасшедший тот русский был, всё время про энергии какие-то бормотал. «Я», – говорит, – «спрашиваю у сумасшедшего Жоры: зачем ты, мол, крест-то сломал? Кому он мешал?» А Жора отвечает: «Я людям помочь хотел, хорошие энергии с моря идут, но не могут в Арамболь попасть, потому что крест не пропускает их. Вот и пришлось мне этот крест сломать, чтобы хорошие энергии в Гоа проходили».

– Я, Витя, честно говоря, тоже с удовольствием этот крест сломал бы, потому что он весь вид только портит. А Жора не побоялся, взял – и разломал. Ведь вера в Бога – она в душе у каждого своя. А сколько индуистов, мусульман, иудеев и прочих верующих в свои религии людей смотрят на гору, – а на ней крест стоит. И выглядит этот крест, как символ не их веры, а веры чьей-то другой. Вот так и зарождаются межрелигиозные конфликты. А вера ведь должна в душе быть, а не в символах. Хорошо, что Иисуса на кресте распяли, а не на кол посадили, ужасный символ был бы. Ты только представь, Вить, на арамбольской горе была бы статуя Иисуса, насаженного на кол. Для меня, хоть и крещёного, символ креста с распятым человеком всегда напоминает мученическую смерть. Для чего нужно выставлять напоказ такой ужасный знак? У нас, в православной

религии, крест на храмах и на кладбищах ставят. А у католиков – повсюду, без причины, кресты бетонные стоят. Жаль, что с Жорой всё так печально закончилось, ведь даже спустя полгода он в неадеквате всё ещё был. Мне Паша, консул из посольства, рассказывал про него. Его ведь Саша Венус за деньги вытащил из тюрьмы, в Бомбей отправил, а он и в посольстве буянить начал. Говорил: «Не хочу в Россию возвращаться, десантник я бывший. А десантники так просто не сдаются». Ну, и пришлось его снова из посольства в бомбейскую психушку сдавать. Чем закончилось всё, я так и не знаю. Может, сейчас всё ещё в психушке сидит. Такая вот история. Кто-то ломает кресты, а кто-то пытается их поставить. Есть такой персонаж в Гоа, мистер Птичкин его зовут, верующий православный, интеллигентный мужичок, лет за пятьдесят, из поколения первых фарцовщиков в СССР. Решил он православную религию в Гоа продвинуть. Заказал у плотника крест православный, деревянный, больше человеческого роста. Взвалил себе на спину, как Иисус, и затащил на гору. Полдня тащил его. Потом ещё полдня устанавливал. И, как только всё сделал, полиция пришла, крест его разломали, а его – в тюрьму на недельку посадили. Говорят, незаконно на земле индийской, без специального разрешения, кресты ставить. Дело даже уголовное на него завели. Хорошо, что штрафом удалось обойтись. Странные вообще-то совпадения здесь, в Индии, происходят. В моей камере сначала Ник-немец сидел, я у него ЛСД когда-то оптом покупал. Потом в этой камере Жора сидел, тот, что спятил от этой кислоты. А потом и я, тот, кто ему эту самую кислоту продавал. Может, это карма моя. Может, это то самое, за что я и сижу здесь. Только Бог свидетель: всё, что делал я, – делал с благими намерениями. Никому зла не желал. Помочь ведь людям хотел.

– Надеюсь, Вась, это смягчит тебе наказание там, – говорит Виктор, показывая пальцем в небо.

ГЛАВА 39. Часть вторая. На воле.

– Когда, Сань, фильм-то по твоей книжке выйдет?

– Не знаю я ничего, Вась. Не спрашивай меня про фильм. Все вопросы по фильму к Буслову, – отвечая, смеётся всегда жизнерадостный Саша. – Я к тебе, Вась, русской окрошки заехал по-

есть, а ты меня сразу вопросами засыпал, на которые я не знаю, что отвечать.

– Кришна! – кричу я своему официанту, гоняющему по песку футбольный мяч напротив ресторана. – Уан окрошка!

– Присаживайся и рассказывай, Сань. Будет тебе окрошка, я сегодня свежий квас привёз. Что нового у тебя в жизни? Как продаётся твоя книжка? Тебя, Сань, наверное, все вопросами замучили про кино.

– Книжка, Вась, хорошо продаётся, а про кино – правда, я ничего не знаю. Купил права на мою книгу режиссер Буслов.

– Да понятно, Сань, что информация о том, что по книге фильм снимать будут, запущена, чтобы книжка лучше продавалась. Продать тираж в сто тысяч – это дело серьёзное. И ведь большинство, прочитав книгу, сюда приедут проверять, правда ли, что Гоа – такая сказочная страна, как ты описываешь. Помнишь, Сань, три года назад мы тут сидели и придумывали, как бы туристам-двухнедельникам что-нибудь продать?

– Да, помню, Вась, ты тогда придумал историю о том, что к старому баньяну, якобы, когда-то «Битлз» приезжали. Я ещё тогда гидом в турфирме работал. Бедные туристы страдали от того, что не знали, на что деньги свои потратить. Как всё изменилось быстро за эти годы.

– Ты, Сань, тогда, так же, как и я, – в пёстрых лунги¹ ходил, а не в модной гоанской одежде. Сработала ведь моя идея. Спустя три года новые гиды ведут своих жертв, белокожих и розово-поджаренных туристов, к старому баньяну – показать место, где, якобы, когда-то сидела и курила чилум легендарная группа «Битлз». И ведь все они в это искренне верят. А после выхода передачи по НТВ вся Россия теперь про Арамболь и про «Битлз» знает. И не только Россия, НТВ по спутнику на весь мир транслируется. Я, когда в Непале был, телевизор включил – и обалдел просто. Там как раз передачу показывали, «Профессия-репортер», про дауншифтеров². Представляешь, включил телик в тот момент, когда я здесь, в «Хэмпе», интервью даю о том, какой здесь, в Гоа, рай. Вот так легко рождаются легенды. Лошак со

¹Лунги – Большой платок, повязанный вокруг талии, как юбка.

²Дауншифтер – человек, отказывающийся от стремления к пропагандируемым общепринятым благам, наподобие постоянного увеличения материального капитала, карьерного роста и т. д., ориентирующейся на жизнь ради себя или семьи.

своей передачей хорошо Гоа отрекламировал. Теперь ещё и битломаны в Гоа ездят. Сейчас, если бы отъехать на машине времени назад, я бы по-другому стал Гоа рекламировать. Сейчас, если я найду новую «Землю Обетованную», то никому об этом говорить не буду.

– А я, Вась, не жалею, что книгу написал. Пусть меня и обвиняют, что русские испортили Гоа, якобы из-за того, что после выхода книги все отбросы общества сюда поехали. Гоа – оно большое, здесь всем места хватит. Если где-то стало больше отбросов, значит, где-то их стало меньше. Если бы не я книжку написал, то кто-нибудь другой это бы сделал. Но, ведь ты же помнишь, Вась, как раньше здесь всё по-другому было.

– Да, Сань, конечно же, помню, и тебя я прекрасно понимаю. Ты написал книгу потому, что не мог её не написать. Ты так же как и я, влюблён в Гоа. Я тоже хотел всему миру рассказать, что есть ещё место на планете, где хорошо живётся хорошим людям. И интервью я разным газетам и журналам давал в надежде, что на мой зов лучшие люди приедут. Меньше, конечно, стало интересных людей, но всё равно, – лучше Гоа я места пока не знаю.

– Твой акрошка со сметана. Чи-гоиз-волите барин, – улыбаясь, говорит Кришна, протягивая Сане поднос с едой.

– Прикольно ты, Вась, его по-русски говорить научил.

– «Барин», Сань, я приказал моих друзей называть.

– Судя, Вась, по довольному лицу Кришны, неплохо дела в рестике идут?

– Да как тебе сказать, Сань? Вот сижу я тут с утра до вечера, смотрю, как отдыхающие гуляют и думаю только об одном: когда же моя рабочая неделя закончится? Надоело мне наркотиками торговать. Никак не получается у меня на жизнь легально зарабатывать. Рестик мне, максимум, тысячу долларов в месяц приносит, половину я партнеру отдаю, а на пятьсот баксов в месяц можно было только три года назад нормально жить, сейчас этого мало. С каждым годом всё дорожает. Наркотиками получается ещё тысячу в месяц зарабатывать. Только от этих денег параноя драг-дилерская у меня растёт. Поэтому, и не радуют меня эти деньги. В любой момент может полиция с проверкой прийти.

– А про какого партнера ты, Вась, говоришь? Ты же один, вроде, этот рестик создавал?

– В этом году согласился парень один молодой вместе со мной в доле работать. Он когда-то в Мандреме пробовал ресторан открывать, но что-то у него не заладилось. Вот, посмотри, принёс он немного свежих идей, – показываю я на зеленые полотна ткани, натянутые над головой.

– Понаряднее стало в этом году в «Хэмпе», – говорит Саня, пододвигая к себе тарелку с окрошкой, принесённую Кришной.

– Он хоть парень молодой, но смышлёный, новое поколение фриков. А вон, посмотри, – он на пляже со своим годовалым сыном играет, – говорю я, показывая пальцем на худого, покрытого прыщами парня. – Молодой совсем, всего двадцать один год ему. Сашей тоже зовут.

Какое-то время мы молча наблюдаем, как парень со светлыми, редкими дредами строит из мокрого песка сказочные замки, а его голый бутуз настырно пытается разломать папино творение.

– А помнишь, Саня, раньше, когда мы встречались, то всегда друг другу про чудеса индийские рассказывали, свидетелями которых мы почти каждый день были? Все разговоры у нас были про моменты синхронизации, которые здесь, в Гоа, так часто происходят.

– Что-то, Вась, давно я таких моментов не замечал. И Гоа меняется, и мы меняемся.

– И у меня, Сань, тоже давно никаких чудес не происходило. Последний раз – несколько месяцев назад, в Непале, один момент синхронизации произошел. Помнишь, Сань, я тебе рассказывал про падающий листочек в Пушкаре? Тогда, во время падения пальмового листка, на улице тишина на мгновение возникла. А как коснулся листик земли, тотчас в этот же момент колокол где-то зазвенел. И, снова всё взорвалось звуками.

– Конечно же помню, Вась. Я ведь эту историю, немного изменив, в своей книге описал.

– Так вот, Сань, произошла второй раз у меня похожая история в Непале. Еду я со своей Леной по Катманду. Место там есть одно, «Семь углов» называется. Там улица, как лесенка, семь раз преломляется. Представь себе, Сань, небольшую, но людную улочку в крупном азиатском городе. Уличные продавцы бойко торгуют, каждый на свой лад зазывая покупателей. Из музыкальной лавки доносится «Ом мане падме хум», строите-

ли, ремонтирующие небольшое здание, колотят кувалдами по камню. Кто-то подметает, кто-то по телефону болтает. Едем мы на велорикше по этой улице, шумная какофония вокруг, и только буддистская мантра радует приятным женским голосом. Навеяла мне эта мантра воспоминания о Пушкаре трёхлетней давности. Вспомнил я тогда тот случай с падающим листиком, подумал ещё, а может быть, померещилось мне тогда, давно? Может, просто слишком накуренный я тогда был? И, как только засомневался я в своих воспоминаниях, вдруг почувствовал, что вокруг стоит абсолютная тишина. Мы как раз один из углов той улицы проехали. Сложно представить, Сань, полная улица народу, все что-то делают, но не издают никаких звуков. Музыка прекратилась, строители перестали шуметь, зазывалы затихли. Только слышно, как у велорикши педали скрипят и больше никаких звуков. Несколько секунд тишины показались мне вечностью. Обведя взглядом находящихся вокруг людей, я понял, что никто не замечает, или не обращает внимания на образовавшуюся тишину. И тут мой взгляд встретился со старцем, сидящим на тротуаре возле украшенного цветами подноса для подаяний. В одной руке он держал железный трезубец Шивы, а в другой – маленький колокол. И, когда наши взгляды встретились, я понял, что он тоже слышит эту тишину. Улыбнувшись мне, он ударил в колокол трезубцем, произнес «Ом Шанкар», и улица снова наполнилась звуками. Было ощущение, что эту тишину не заметил никто, кроме меня, моей Лены и этого старика с просветленным лицом. Несколько секунд необъяснимой тишины, возникшей как раз в тот момент, когда я про листик в Пушкаре вспомнил. С тех пор, Сань, чудеса мне больше не встречались. А раньше ведь, как минимум раз в неделю, мы друг другу рассказывали подобные истории, свидетелями которых были.

– Да, Вась, что-то меняется. То ли в нас, то ли в Индии. Как-то получается, что рай и чудеса, в нём происходящие, становятся обыденностью, и мы их просто не замечаем. Я вот, Вась, последнее время тоже подумываю ресторан в Ашвеме открыть. Материальный мир затягивает, не оставляя места чудесам.

– А я, Сань, хочу свой «Хэмп» продать. Хочу на юге Гоа, в Палолеме, большой ресторан открыть. Хочу легально начать деньги зарабатывать. Один товарищ с Палолема зовет меня на пару с ним новый бизнес поднимать.

– Там ведь, Вась, фриков совсем нет. Как же ты там жить будешь? Там ведь одни туристы-двухнедельники, которых ты терпеть не можешь.

– Мне, Сань, с туристов совсем не стыдно деньги брать. Мне даже приятно этих жлобов на деньги разводить. Здесь, на севере Гоа, жить хочется. А на юге – деньги зарабатывать. Посмотри, какие люди в большинстве по пляжу у нас здесь, на севере, ходят. С них же не хочется денег брать. С ними общаться хочется, дружить, любить. Хоть и меньше с каждым годом их становится, но всё равно, их пока большинство. А на Палолеме по пляжу морды ходят, директора сыро-мясокомбинатов и автосервисов, вместе со своими жёнами и пухлыми отпрысками. Они побухать сюда приезжают, с ними вообще нереально о чём-нибудь говорить. Зато денег у них столько, что швыряют их они направо и налево. Вот и думаю я продать свой рестик, и открыть там новый, для туристов. Буду вахтовым методом неделю на юге работать, а потом неделю на севере отдыхать. Не хочешь, Сань, купить мой ресторан? За пять тысяч долларов отдам.

– Не, Вась, я свой хочу построить. Чтобы тоже на берегу моря был, а я бы в нём за ди-джейским пультом стоял. Присмотрел я даже место одно, в Ашвеме. В следующем сезоне думаю уже открываться.

– По-моему, сейчас будет шоу. Смотри, Сань, вот представитель нового поколения Гоа идёт сюда.

– Привет, Вась. Мне нужно ЛСД. Продай капельку? – обращается ко мне подошедший худой парень с абсолютно сумасшедшими глазами.

– Слушай, убан. Я тебе русским языком говорил уже много раз, ничего я тебе продавать больше не буду, – приготавливаясь к неприятностям, говорю я, вставая из-за стола.

– Сука ты, Вася. Я дружить с тобой хочу, ты же не понимаешь. Я пришел в этот мир, чтобы спасти тебя.

– Спаси себя сначала, придурок, пошел вон из моего ресторана, – начинаю уже громко орать я.

– Никуда я не уйду, пока не продашь мне кислоты.

– Я тебя сейчас бамбуковой палкой отхожу, – говорю я, вытаскивая из ограждения приготовленный для такого случая бамбуковый шест.

Отойдя на несколько метров назад, обдолбанный дегенерат останавливается напротив столика, за которым сидит молодая

беременная женщина. Выхватив у нее из рук стакан с соком, он бросает его в нашу сторону. Стакан со звоном разбивается о стену за нами.

– Что уставилась на меня, тварь брюхастая, что нагуляла пузо? – начинает орать сумасшедший на ни в чём не повинную женщину.

– Ну всё, моё терпение закончилось. Я последний раз прошу тебя: уйди из моего ресторана! – ору я на него, замахнувшись палкой над головой.

– Вася, я хочу, чтобы ты меня ударил, – начинает истерически смеяться безумец, приближаясь ко мне.

Со всей силы я ударяю палкой по его лицу.

– Ударь меня ещё! – хохочет безумный придурок с бешеными глазами.

– На тебе ещё, – наношу я серию ударов по голове и туловищу.

Видимо, наконец-то почувствовав боль, псих убегает в сторону моря.

– Вот. Видел, Сань, – что значит быть ресторатором на севере Гоа? Я больше не хочу здесь никаких дел делать. За десять копеек этих уродов терпеть? И наркотики я больше продавать не хочу. Проиграла, Сань, наша революция. Не хочу я противостоять таким вот идиотам. Я вообще не хочу больше менять сознание людей, пусть рождаются идиотами, живут идиотами и идиотами же и умирают.

– Успокойся, Вась, сядь, выпей чего-нибудь. Ты чего так разошёлся? Ну, подумаешь – идиот? Они повсюду здесь. Думаешь, на Палолеме их меньше?

– Есть, Сань, и там идиоты, они везде есть. Там почти такие же бывают, только алкогольного формата. Напьются, и точно так же себя ведут. Только там они с деньгами все. Там хоть всё говно, которое они на меня в своём пьяном бреде выльют, я за их же бабки и отмою потом. А с этого что взять? Пришёл, испортил настроение, облил говном и убежал. Он же не просто идиот, он, вдобавок, ещё и спидом больной. Ты думаешь, он задумывается о гондонах, когда таких же пьяных фричек здесь трахает? Таких, как он, изолировать от общества нужно. Я не умею общаться с такими людьми. Хотя, и с пьяницами тоже разучился говорить. Вот, сейчас стараюсь освоить эти контуры восприятия. В прошлом году на Палолем приезжал мэр какого-то про-

винциального города, то ли Саратова, то ли Сызрани. Нажрался водки, и давай гонять официантов. Сначала по роже даст, а потом сотку баксов в карман им сует. И хохочет так же, как этот безумец.

– Да, Вась, понимаю я тебя. Но, ты не расстраивайся сильно, так устроен мир. Там, где хорошо, обязательно появляются придурки.